

ОТЗЫВ
на магистерскую работу
Евгения Борисовича Капитульского
«Влияние Б. фон Зандена на развитие синтаксиса литовского языка»

Работа Е. Б. Капитульского представляет собой абсолютно самостоятельное исследование по теме, которой автор занимается несколько лет (в тексте Евгений Борисович неоднократно ссылается на свои работы 2010 и 2011 гг., соответственно курсовую и бакалаврскую). Исследование посвящено нескольким старолитовским текстам рубежа 17 и 18 вв., а также учитывает исторический и социальный контекст этих памятников. В центре внимания находятся некоторые синтаксические особенности соответствующих текстов, однако важно отметить, что Евгения Борисовича в данной работе интересует не синтаксис как таковой, а то, в какой степени на синтаксические особенности литовских текстов соответствующего периода влияли (или не влияли) закономерности, присущие синтаксису других языков, прежде всего немецкого. Закономерным образом, в сферу рассмотрения попадают также современные текстам трактаты, в которых, что интересно, как раз обсуждался вопрос о том, должен ли письменный литовский язык быть похож на разговорный язык литовского населения. Работа свидетельствует о достаточно высокой эрудиции автора: в качестве источников используются тексты на старолитовском, немецком и латыни, а в списке литературы (38 позиций помимо источников) фигурируют работы на литовском, немецком, английском, французском, латышском и, конечно, русском языках. В итоге исследования Евгений приходит к выводу, что появление тех или иных синтаксических особенностей в литовских текстах 18 в. было вызвано особыми социальными и историческими условиями, среди которых не последнюю роль играла целенаправленная деятельность Бернхарда фон Зандена, чье имя и вынесено в заголовок. Однако читателю довольно сложно соглашаться или не соглашаться с выводом в силу некоторых особенностей самой работы, в частности, подхода автора к старолитовским текстам и способов изложения материала, на анализ которого данный вывод должен опираться.

Рецензенту представляется, что основной ошибкой Евгения было то, что он безоговорочно принял позицию литовских исследователей, которые пишут историю языка с позиций пуризма. Предполагается, что полноценным литовским языком является принятая в 20 в. литературная норма, а все предшествующие ей тексты ранжируются с точки зрения ее соблюдения. Авторы 17 и 18 вв., таким образом, характеризуются как способствующие или препятствующие созданию современной литературной нормы, хотя, на самом деле (если мы вообще хотим связать историю с современностью), направление взгляда должно быть принципиальным иным: почему в качестве современной литературной нормы был выбран язык, который ближе одним, а не другим авторам прошлых веков. Однако Евгений оценивает старолитовские тексты именно с позиций современной нормы, и в тексте работы довольно часто встречаются оценки тех или иных конструкций как «корректных» («валентность заполнена корректно» на стр. 39) или ошибочных («ошибки в управлении» на стр. 42, «форма <...> ни разу не обнаружена в правильном виде» на стр. 29). Это особенно странно, учитывая, что у Евгения Борисовича была возможность непосредственно обратиться к материалам полемики между знатоками литовского языка той эпохи и привести их оценку соответствующих конструкций.

Ярче всего ориентация на современную норму проявляется в таких формулировках как «зарождение независимого литовского синтаксиса» или даже «зарождение литовского синтаксиса», потому что независимым и литовским здесь, по сути, объявляется то, что соответствует современному литературному языку. Очень показательна фраза на стр. 10: «литовская литература обрела синтаксис, тем самым окончательно утвердив литовский язык

в статусе самостоятельной языковой единицы». Кроме того, хотелось бы определений понятий «независимый синтаксис», «самостоятельный синтаксис» и «переходный синтаксис»: на основании каких критериев автор отличает «независимый синтаксис» от «зависимого» и где между ними располагается «переходный синтаксис». Также, учитывая, что Евгений Борисович приходит к выводу о зарождении «независимого синтаксиса» в исследуемых им работах, почему предметом его анализа главным образом становится место глагола в предложении и выбор падежной формы при глаголах и предлогах, а не какие-либо другие явления. Не хватает общей характеристики литовского синтаксиса: в частности лишь ближе к концу работы Евгений Борисович между делом сообщает, что «в литовском языке порядок слов не является жестким» (стр. 86). Следует добавить, что, поскольку слово «синтаксис» присутствует в заглавии работы, удивляет отсутствие в работе ссылок на собственно синтаксические исследования, посвященные не историческому синтаксису литовского языка (как работы З. Зинкявичюса или В. Амбразаса), а синтаксису как таковому. И едва ли упоминаемая работа по синтаксису литовского языка Й. Балькявичюса (1963 г.) может заполнить этот пробел.

Ориентацией на современную литературную норму вызвана еще одна особенность работы Евгения Борисовича: хотя речь постоянно идет о влиянии немецкого языка, соответствующие немецкие конструкции не описываются и не приводятся (ни современные, ни принадлежащие соответствующей эпохе). Получается, что для того, чтобы подтвердить и опровергнуть факт влияния немецкого достаточно сопоставления с современным литовском. Однако интересно, что аналогичные примеры из современного литовского также не приводятся, и здесь, по-видимому, Евгений Борисович руководствуется тем, что современный литовский (а, скорее всего, немецкий тоже), читателю и так известен и он (читатель) может легко вызвать соответствующие примеры из своего воображения. Надо сказать, что Евгений Борисович вообще очень многое оставляет «за кадром», полагаясь на знания читателя. Перевод большинства литовских форм отсутствует; без пояснения остается характеристика некоторых окончаний как «стриукских»; не поясняется, как выглядят употребляемые в старолитовских текстах диакритические значки, которые Евгений Борисович обсуждает, почти не приводя примеров.

К более значимым вещам, о которых Евгений Борисович также предпочитает умолчать, относится то обстоятельство, что исследуемые литовские тексты вообще-то представляют лишь одну из трех литовских литературных традиций, причем именно ту, что существовала за пределами Великого княжества Литовского, на территории Пруссии (так называемая Малая Литва), чем и объясняется влияние именно немецкого языка. Кроме того, данная традиция во многом служила нуждам распространения протестантизма, тогда как в Великом княжестве Литовском, часть территории которого относится к современной Литве, господствующей конфессией был католицизм, а господствующим языком польский. И хотя так получилось, что именно прусская традиция оказала значительное влияние на литературный язык уже в 20 в., ее влияние на письменные традиции собственно Литвы в описываемую эпоху на рубеже 17–18 вв. представляется весьма ограниченным.

В целом работа Е. Б. Капитульского производит довольно благоприятное впечатление: не может не вызывать уважение обращение к старолитовским памятникам; поставленные автором вопросы (если несколько скорректировать формулировки) несомненно являются интересными. Работа аккуратно оформлена и не содержит опечаток.

08.06.2013

А. Д. Даугавет, к.филол.н.
ст. преп. каф. общего языкознания